

МИХАИЛ САДОВСКИЙ

Такие годы

Михаил Садовский

Такие годы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28264987

ISBN 9785449010858

Аннотация

Книга Михаила Садовского «Такие годы» предназначена для семейного чтения и будет интересна дедушкам и бабушкам, их детям, внукам и даже правнукам. Она, несомненно, пополнит список изданий отечественной литературы, предназначенной для совместного чтения и обсуждения в семье и в школе. Откройте книгу и получите от нее удовольствие и радость.

Содержание

Аннотация	5
От автора	7
Глава I. Судьба	9
Глава II. Доказательство	17
Глава III. Измена	22
Глава IV. Лизавета	29
Глава V. Встреча	36
Глава VI. Новичок	41
Глава VII. Солома	49
Глава VIII. Визит	54
Глава IX. Новый год	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Такие годы

Михаил Садовский

Любимому внуку Илюше

© Михаил Садовский, 2017

ISBN 978-5-4490-1085-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Проза известного писателя Михаила Садовского почти всегда автобиографична. В ней нет закрученных сюжетов, детективных расследований и наигранных любовных страстей. Это литература совсем другого рода – не лёгкое чтение для дорожного времяпрепровождения, а произведения, которые требуют внимания и заставляют читателя вместе с персонажами проходить все перипетии и переживания их существования. Достоверность повествования достигается обилием точных деталей и ситуаций, подчас неизвестных читателю, но почерпнутых писателем из реальной жизни.

Книга «Такие годы» рассказывает о жизни России, начиная с военных лет в рассказах «Как хотела мама», «Третья попытка», о тяжёлых послевоенных годах, которым посвящена одноимённая повесть, и о дальнейшей жизни страны, вплоть до нашего времени в рассказах «Митенька», «Жаворонок» и «Все в ответе».

В литературе есть много произведений для «семейного чтения» – они одинаково интересны дедушкам и бабушкам, их детям, внукам и даже правнукам. «Такие годы» Михаила Садовского – книга именно этого плана, и она, несомненно, пополнит список изданий отечественной литературы, предназначенных для совместного чтения и обсуждения в семье и в школе.

В этом может убедиться каждый, кто откроет книгу «Такие годы» и дочитает её до конца. Это чтение доставит вам много радости.

От автора

В начале начал все прошли через это или похожее. Детство было у каждого. И даже «в детстве у меня не было детства...» – вдумайтесь – совершенно точно указывает, отчего и откуда родилась фраза.

Просто от некоторых детство ушло слишком рано, у некоторых растянулось чуть не на всю жизнь... но оно было... А потому я надеюсь на людей – мы же все однокашники, мы все оттуда, из детства. И я приглашаю вернуться в него с радостью, грустью, сожалением, содроганием, болью, нежностью, восторгом, опасением и многими другими чувствами, которые, возможно, надо преодолеть. По-моему, это стоит сделать, если даже не для услаждения и отогрева души, то для того, чтобы понять что-то сегодняшнее – мучающее, никак не разрешающееся и не поддающееся – почему? Да потому, что всё началось там и снова повторится в детях и внуках...

Это не пустая лёгкая прогулка... Но, может, стоит потратить долю своих душевных сил на неё, ибо я уверен, что отдача будет много щедрее и значительнее наших затрат...

И ещё, я прошу всех, кто рискнёт отправиться вместе со мной по страницам этой книги, – не отождествляйте героя повести с автором: автор не пошёл по наиболее простому (но отнюдь не самому лёгкому) пути, не списал из памяти

и наслоившихся поздних рассказов то, что показалось ему интересным, чтобы представить на прочтение публике, надеясь на её благосклонность.

Может быть, даже наверняка, что-то покажется в этом повествовании неправдоподобным... В таком случае я попрошу вас попробовать перенестись в то время, далёкое, но достаточно известное по другим книгам, фильмам, картинам, и посмотреть на события взглядом тех лет. Во всяком случае, вне зависимости от оценки читателем моего труда, могу заверить любого, что в книге нет ни звука неправды.

Глава I. Судьба

Осень еще не потеряла своей привлекательности. Утренний холод сковывал остатки вчерашнего дождя. Пижма, высушенная и заочневшая, ярко желтела вдоль пустыря и, если растереть её между ладоней, пахла высохшим и несобраным сеном и знойной пылью.

Пустырь был длинным, кочковатым по краям, а в центре – гладко вытоптаным и жёлто-песчаным. Если бы проверить каким-нибудь инструментом эту утопанную поверхность, сразу стало бы ясно, что соблюден правильный овал. Может быть, даже его сначала начертили на земле, а потом уже специально вытоптали и посыпали песком. А может, на самом деле всё было не так.

Через забор дровяного склада, который тянулся вдоль одной стороны пустыря, кто-то перекинул с добрую телегу жердей – наверное, своровал. Ребята, в свою очередь, успели стянуть из этой кучи четыре ствола потолще и покороче, вкопали их попарно с двух сторон – так получилось футбольное поле. С одной стороны – забор, с другой – тропинка в школу, которая виднелась в полукилометре на краю лежащего за ней оврага. По этой тропинке непрерывно прибывали игроки, как шедшие на урок, так и отбывшие смену. Смен было три – классов не хватало, и потому поле никогда не пустовало. Вот и вытоптался такой замечательно ровный эллипс,

а заодно стало ясно, что стоит их посёлок на чистом песке.

Забор несколько не мешал игрокам и не был опасен, потому что мяча никто ещё не пробовал ногой. Играли банками из-под тушёнки или «Кильки в томате», а поскольку банки были совершенно пусты, то игроки не очень горевали, когда жестяной мячик улетал в аут через забор.

Но в такой ранний час на пустыре никого не было, он действительно был пуст.

Венька положил противогазную сумку с книгами и тетрадками на землю, сел на неё и прислонился спиной к штанге. До школы оставалось ещё минут сорок, а ходьбы – десять... Он придумывал, что убежал пораньше от назойливой тётки, что ему плохо дома, и вот он, несчастный, сидит здесь на холоде, потому что некуда деться... Жалостная история крутилась в голове, но, по правде, даже не трогала его. Это он будто сочинял для кого-то, и так складно, что сам во всё верил, тем более что сгущал он совсем немного. Была и назойливая тётка, досаждавшая своей опекой, и тесные две комнатухи, в которых ютились три семьи – родных, но не дружных и мечтавших разъехаться, и школа, правда, была закрыта, и не очень-то он её любил. Даже не так. Он и вовсе не любил школу, но последнее время не прогуливал и бежал на уроки с охотой, совсем не потому что «учиться, учиться, учиться...». Вот этого ему вовсе не хотелось, а потому что...

В отдалении на улице, идущей от заводских барачков, он

приметил нечто мимолётно мелькнувшее, оранжевое, и, конечно, не мог обмануться.

Это была косынка на её голове. Там улица поднималась в гору, и сейчас её фигура начнёт расти, расти и медленно приближаться. Появятся её лицо, плечи в сером пиджаке, распираемом грудью, потом юбка... но он этого уже не увидит...

Венька тихо поднялся, отряхнул сумку, набросил выцветший брезентовый ремешок на плечо и медленно пошёл по направлению к школе. Так медленно, что никакому инвалиду не под силу: это очень трудно – совсем медленно идти. Он был уверен, что она его догонит, – просто другой дороги к школе не существовало. Ему даже не важно было, что она догадается, что он её ждал, не станет же она говорить об этом... Венька спиной чувствовал, как она приближается, потом стали слышны её шаги по застывшей тропинке, потом скрип песка под подошвами туфель. Наконец, когда она оказалась сзади, в одном шаге, он повернулся и поднял на неё глаза.

Вот так он мечтал смотреть на неё всегда, всю жизнь: на волнистые рыжеватые волосы под лёгкой косынкой, гладкий выпуклый лоб, серые глаза... Он смотрел, смотрел на неё и не мог понять, что с ним происходило, когда она стояла рядом или проходила на уроке мимо – проплывала её грудь, медленно переступали ноги, какой-то сладкий аромат неуловимо обволакивал и мгновенно улетучивался, а внутри

всё напрягалось, настоуживалось, поворачивалось к ней... Да, получалось, что он любил, любил её. Он уже столько раз читал об этом... Любил безнадёжно, потому что... она была так недостижимо прекрасна – ну, разве может она обратить на такого внимание...

– Ты ждал меня, Веня?

– Нет, Эсфирь Яковлевна, я... я ведь тут живу рядом... мы здесь в футбол играем... на пустыре...

– И ты всегда так рано выходишь?

– Ну...

– Пошли, пошли, – она положила ладонь на его плечо, и он прирос к этой ладони, стараясь идти в такт, чтобы не сорвать её – не обогнать, не заставить напрягаться своим отставанием. Всё в нём горело и холодело одновременно, замирало и стремилось вырваться, как при взрыве.

В классе было шумно, как всегда перед началом занятий. Кто-то выяснял отношения за вешалкой, стоящей вдоль стены. Оттуда раздавались громкие голоса, пальто колыхались, и вся вешалка шаталась, грозя рухнуть на парты.

Позднякова уже была на месте на своей первой парте в третьем ряду. Она сидела, положив руки на приготовленные тетради. Отутюженный галстук, гладко причёсанные волосы. Венька прошёл мимо к своей последней парте. «Здравствуй, Позднякова!». Почему он так сказал, он никогда не называл её по фамилии... просто сегодня она особенно не нравилась ему... Может быть, по сравнению с Эсфи-

рю, а может, оттого, что вчера он безуспешно пытался наладить с ней отношения, и сегодня обида ещё разъедала его. Ему очень хотелось доказать ей, что не только она одна может получать пятёрки и тараторить ответы так, что даже учителя не выдерживают и всегда говорят ей: «Хватит!». Это они наверняка потому, что невозможно слушать... как пулемёт, без остановки. Когда она дышит – непонятно. Её если не остановить, она так и протараторит целый урок до конца... если не задохнётся... И всё же ему хотелось, чтобы Нинка не задиралась, что-то доказать ей, переубедить... зачем? Два урока он рассеянно и неотвязно думал об этом: о ней, о том, что она тараторка, чистюля, первая отличница из всех классов, а это было самое неприятное. Хотя позорная кличка «отличник» как-то ей не подходила. Она вроде была на своём месте – должен же кто-то быть первым учеником. Зачем? Но должен... а потому её не дразнили и не трогали. Бывает, отличник старается стать первым, а она вовсе не старалась, так уж вышло, что она была первая, – это получалось естественно. Даже невозможно представить, что могло быть как-то по-другому.

В окно со своей задней парты Венька видел верхушки деревьев, торчащую между ними справа крышу и облака, а если медленно, упёршись икрами в скамейку, приподняться немного, можно было наблюдать дорогу, изредка проезжавшую по ней машину и даже то, что лежало в кузове. Казалось, облака цепляются за «петушки» сосен и ёлок, и те

захватывают их в плен, утягивают вниз. Если раздавался звук мотора, Венька медленно вырастал, чтобы непременно успеть захватить взглядом кузов проползающей мимо полуторки. Он был уверен, что увидит там белую клубящуюся массу облака... «За окном интереснее, – обрывал его учитель, – может быть, тебе туда пойти на урок?». Тогда Венька медленно откидывал крышку парты, вставал и произносил себе под нос нечто невнятное, предполагавшее полное раскаяние. Раскаяния, конечно, никакого не было. Он бы с удовольствием пошатался по улице, но через урок – история... Ещё совсем недавно он бы не поверил, если бы ему так повезло: пропустить заодно с другими уроками историю – даты, контурные карты, непонятные имена, необъяснимые поступки каких-то сумасшедших царей, кардиналов, распад империй... Но теперь он ждал историю на третьем уроке и не собирался никуда уходить...

Венька щурился, пытаясь разглядеть на карте цветные стрелки с длинными изогнутыми хвостами, которые запросто охватывали пол-Европы, Средиземное море и огромный кусок Азии. Они тянулись, как щупальца спрута, и вцеплялись в эти несчастные, обречённые государства... Сквозь набегавшие от напряжения слёзы ему представлялись беженцы, подводы, пыль, мешки, узлы – всё, что он недавно сам видел вокруг себя, – материнские крики, вой пикирующих самолётов и горящие смрадные грузовики...

– Вениамин, может быть, ты пересядешь на первую парту,

там свободно? У тебя что, с глазами непорядок? Надо проверить зрение!

Венька вскочил мгновенно и запротестовал. Ещё бы – только не это! Он столько времени добивался последней парты – и именно теперь потерять её! Нет, у него, слава Богу, всё в порядке со зрением, а щурится он просто оттого, что мелкая карта и очень яркое солнце за окном. Нет уж, он будет сидеть здесь и тогда всё время видеть её, потому что она очень любит ходить между рядами, а не сидеть за столом весь урок... двигаться от парты к парте и по дороге класть свою ладонь на плечо или голову того, возле кого остановилась. Тогда голос её, кажется, попадает в тебя не через воздух, а прямо по руке вливается, как по шлангу, и приобретают смысл поступки непонятных вождей, Пунические войны; захватчики оказываются серого цвета мышинных немецких шинелей, а шлемы превращаются в ненавистные болотного цвета каски.

Он снова был далеко. Тараторила без запинки Позднякова, Анашкин мучался, пытаясь выдавить из себя два слова подряд без перерыва, потом шло объяснение нового материала. Он, как всегда, вроде не слышал, что говорила учительница. Голос входил в него, и всё, что приносил с собой, оставалось в памяти навсегда, как самые дорогие, очень нужные в жизни слова.

Эсфирь, Эсфирь... такое царское имя... У неё никогда не шумят на уроках и не вырываются по звонку из класса...

Эсфирь... Яковлевна... она, наверное, знатного старинного рода...

Она стояла рядом с ним, положив руки одна на другую на стену, словно сидя на них. Ему хотелось приблизить к ней лицо и вдыхать аромат... прислониться щекой к мягкому, наверняка мягкому, как у мамы, животу – и ничего не говорить. Только слушать, слушать эту удивительную историю, которую он почему-то раньше не любил, все эти замечательные даты, необычные названия портов, имена полководцев, царей... А почему они всё время воевали? Воевали, боролись, убивали друг друга? Только и делали, что завоёвывали земли, утверждали свою власть. Какое нам сегодня до этого дело?..

Но это замечательно, что они столько навоевали, назавоёвывали, а теперь надо всё это слушать, хотя совсем не обязательно запоминать... но... оно само запоминается, а потом, когда начинаешь читать в разодранном учебнике или рассказывать, звучит голосом царицы Эсфири... Верно, верно – это она была там всюду, потому и рассказывает так, что ей веришь. Она же всё это видела много веков назад, а теперь появилась, чтобы рассказать им... ему... Это называется: судьба...

Глава II. Доказательство

Драки в посёлке никого не удивляли. Если соседи и приятели не могли разнять увязших в драке, вызывали милицию и отправляли их в кутузку. Боялись только шпаны у пристанционных киосков и кинотеатра. Страшнее же всех были ремесленники. Они никогда не ходили по одному. В чёрных, грубого сукна укороченных шинелях – ворот нараспашку, перепоясанные кирзовыми ремнями с начищенными бляхами с двумя литерами Р.У., они наводили панику на жителей, потому что ничего и никого не боялись и, как говорили, для них не было ничего святого. С ними никогда не связывались. Малолетняя шпана их побаивалась. Вечером, при появлении великовозрастных в мягких сапогах и кителях, ремесленники старались найти себе другое место и применение. Как правило, в кармане у них лежал трёхгранный напильник, остро заточенный с одного конца, и самодельный кастет.

Тогда они переключались на пассажиров с электрички. Вечером с перрона по одному не возвращались домой. Кого не встречали, пристраивался к группке, спешащей в нужную сторону. Последний фонарь на углу рыночного забора только ещё больше подчёркивал беззащитность прохожего и угрожающую неведомость темноты впереди. Школьников они задирали просто так – оттачивали технику. «Не будешь

как следует учиться – в ремесленное пойдёшь!» – о, эта угроза перекочёвывала из дома в уста педагогов и наоборот. Директор же говорил ещё проще и понятнее: «Вызову милицию и сдам в ремесленное!».

Овраг за школой был привлекательным местом. Зимой там катались на фанерках по ледяным склонам, весной и осенью жгли костры внизу; в марте, ещё из-под снега, собирали подснежники, а летом в него часто спускались шатающиеся, обнявшиеся парочки и исчезали за дикими густыми кустами.

Если пролезть в дырку забора позади школы, не надо было тащиться до переезда, можно по земляным ступенькам на склоне подняться на противоположную сторону, перейти линию и сократить дорогу домой.

Половина класса жила на той стороне и пользовалась этой давно проложенной «улицей». Венька попадал сюда, только когда провожал кого-нибудь домой, как сегодня Позднякову. Он шёл рядом, чуть отставая и слегка размахивая её портфелем. Он подумал: «Как Филька из „Дикой собаки Динго“», но тот был влюблён в свою Катю... а Венька знал Нину уже три года и никогда не думал об этом. Она, конечно, больше всех нравилась ему из девчонок и в классе, и в школе... но эта первая парта, всегда выглаженный передник и гладкая, никогда не нарушавшаяся причёска... Он чувствовал себя рядом с ней всегда неловко в своих лыжных из «чёртовой кожи» шароварах с накладными карманами спереди, измазанными чернилами руками и противогазной сумкой вме-

сто портфеля...

Разговор никак не получался, мысли Веньки перескакивали с Эсфири на Позднякову, а Нина выговаривала ему за плохое поведение на уроках...

– Так скучно же, – лениво возражал Венька.

– А на истории тебя не слышать!

– Потому что интересно!

– Когда это ты успел полюбить историю? Раньше ни одной даты запомнить не мог.

– Раньше не мог, – согласился Венька. – А вообще, ты знаешь, история – великая наука. Если бы её не было... Это как память земли – она в любой науке – главная часть. Ведь если бы её не было, снова бы изобретали электричество или открывали Соломоновы острова, и шли бы по пути, который уже прошёл капитан Кук, как в первый раз – не знали бы ни карты, ни как живут там племена и народы...

– Да что ты говоришь? – Венька и Нина разом повернулись на голос сзади. Откуда могли так незаметно появиться ремесленники? Их было четверо, примерно того же возраста и роста.

– А жиды всегда такие умные, за это их и не любят, – поддержал другой.

– Чё молчишь, ты? Пожрать нечего?

– Ребята, мы после школы, – затараторила Позднякова. Это была ошибка – объяснять не следовало...

– Заступается! – заулыбался первый. – Ты его любишь,

правда?

– И ты тоже? – ткнул Веньку в грудь другой.

– А давай их поженим! – захохотал первый.

– Это как? – спросил молчавший до сих пор.

– Вась, он не знает как, – зароготал первый. – Вот сейчас тебя этот жидок и поучит! Он же умный, а?

Венька краем глаза следил, как один заходит за спину Поздняковой, а другой пристраивается у него сбоку. Первый, заводила, свистнул пронзительно сквозь приоткрытые губы, и в тот же момент Нина свалилась на спину через наклонившегося сзади мальчишку, юбка её бесстыдно задралась... Двое схватили Веньку за руки, и первый, подойдя к нему вплотную, злобно спросил: «Ну, что, поучишь? Или женилка не выросла? Тогда мы поможем? Согласен? Ты же умный, а?». Венька молчал, стиснув зубы, чтобы не вырвалось ни одного слова. Он поднял глаза и уставился в ненавистное лицо, торчавшее перед ним, потом сделал ложную попытку вырваться, и, когда почувствовал, как стиснули его с двух сторон, повис на их руках, ударил головой в торчавший перед ним нос и коленкой со всего маха в пах. Стоявший перед ним с диким воплем повалился на землю и скорчился, двое от неожиданности выпустили Веньку, и он тихо сквозь зубы сказал: «Беги!», ударил портфелем по голове правого и кубарем полетел вниз с откоса...

Трое опомнившихся рванули за ним, расстёгивая на ходу пояса и наматывая их на руки. Последнее, что Венька пом-

нил, был удар башмака в скулу и сиплый голос: «Готов!».

Нина вернулась за ним, как только ремесленники отступили. С ней было ещё трое ребят. Они подняли Веньку по склону, уложили на тачку с самолётными колёсами и повезли к Поздняковой. По дороге все молчали.

В милицию заявлять не стали. Прибежал рыжий запыхавшийся Фейгин, выгнал всех из комнаты, потребовал горячей воды, скинул пиджак, закатал рукава рубашки и склонился над Венькой, плавно двигая своими огромными в рыжих кудрях руками с толстенными пальцами, которыми, казалось, невозможно взять никакой инструмент. Потом он грузно опустился на табурет, сам глотнул какую-то пилюлю и, обведя взглядом наблюдавших за ним ребят, спросил: «Ну, кто что-нибудь видел?». Нина открыла было рот и хотела по обыкновению протараторить, ибо по-другому говорить она не умела. Но доктор Фейгин опередил её и досказал свою мысль тем же тоном: «Никто ничего не видел! Очь хорошо! Очень хо-ро-шо...» – и стал натягивать пиджак. «Пусть лежит здесь. Никуда его не таскайте... А за матерью пошлите кого-нибудь из взрослых. Он ведь, кажется, на той стороне живёт? Да? Ну, прощайте, драчуны... И не вздумайте!.. – сурово зашипел он на бабуку, попытавшуюся что-то сунуть ему в карман. – Прощайте!».

Глава III. Измена

Когда Венька просыпался, крепко пахло мятой, потом утренний запах сменялся сладковато-приторным ароматом парного молока, потом пахло чем-то сольным и горьким – это баба Дуся садилась за спицы, так пахла шерсть. Свет просачивался сквозь двойную преграду: сначала ситцевых и затем толстых кружевных занавесок. Поэтому рассвет запаздывал в комнату, а темнело всё раньше и раньше.

Фейгин навещал два раза в неделю, накладывал свои огромные рыжеволосые руки на шуплое Венькино тело, на голову, трогал пальцами и что-то бормотал для самого себя по-еврейски. Вставать разрешил только «до ведра», а на улицу – «ни боже мой». Это очень стесняло и мучало Веньку. Но самое обидное, что читать ему тоже не разрешалось ни строчки – столько свободного времени пропадало даром...

Мама хотела после нескольких дней перевезти его домой. Она страшно переживала, что он стесняет чужих людей, пыталась заговорить, что и кормить его накладно, но баба Дуся всё решила очень просто: «Ты не переживай, дочка, кто знает ещё, кого ты в жизни выходишь... а если б не парень твой, совсем бы худо было. Пусть лежит – тебе же спокойней!».

Она делала ударение на последнем слого, и от этого, непонятно почему, Веньке становилось как-то особенно тепло

и близко всё, что тут происходило.

А происходило удивительно много, чего не замечаешь в однообразном течении собственной жизни. Во-первых, приходили ребята из класса – навестить. Их, правда, бабка пустила ненадолго и ворчливо заставляла вытирать ноги, зато потом угостила пирожками. Из разговора с ними Венька выяснил, что двое из ремеслухи пострадали не меньше его. Но друзья просили не выдавать их, что принесли новости: ему запретили волноваться.

– Да что я, больной, что ли! – возмутился Венька. – Сбе-гу!..

Правда, на следующее утро он обнаружил, что его штаны и рубашка, висевшие на стуле, исчезли, и догадался, что бабка Дуся – настоящий разведчик – подслушала его обещание.

Мама в те вечера, когда могла освободиться пораньше, приходила раскрасневшаяся и доставала что-нибудь вкусненькое из сумки. Раньше он никогда не проводил с ней столько времени. Однажды она вынула толстенную книгу, позвала Нину и отдала ей: «Только не давай ему самому читать, а если тебе будет интересно, почитайте вместе!».

– Покажи хоть обложку! – потребовал Венька. Он напряг глаза, голова закружилась, но отчётливо выплыло название: «Земля Советская».

С того дня Нина усаживалась на мягкую подушечку на табуретке около Венькиной головы, чтобы удобнее показывать ему картинки, баба Дуся пристраивалась у ножной швей-

ной машинки, на которой раскладывала свои мотки шерсти, и начиналось долгое чтение с замечательными комментариями бабушки, которую внучкины возражения остановить не могли.

– Ты можешь помедленнее? – просил Венька. – Я же за тобой не успеваю.

– Толмит, как дьячок, – поддерживала бабка и крестилась на икону в углу.

Голос раздавался ровно и монотонно. Потом он становился всё дальше, дальше... Венька смотрел в потолок, ему казалось, что он сидит в классе, и вот Эсфирь рассказывает про то, как нашли апатиты на Кольском полуострове и соль в Кара-Богаз-Голе...

И он представлял учительницу – только не с бронзовыми густыми волосами, а с тёмно-русыми, заплетёнными тугой косичкой, как у Нины, и не в сером пиджаке, а в чёрном ученическом фартуке, и голос её почему-то был удивительно похож на тот, который он слышал теперь каждый день...

Однажды, когда его осматривал Фейгин, Венька почувствовал какую-то суету за занавеской. «Проходите! Проходите!» – и появилась Эсфирь. Фейгин встал с края кровати, на которой сидел, поздоровался с ней, и она заняла его место. Венька сгорал от смущения – никогда столько взрослых сразу не проявляло к нему внимания, и среди них, среди этих взрослых, была Она... Он уже плохо понимал, что ему говорили. Только чувствовал нотки одобрения, даже восхи-

щения им, конечно, скрытые, еле звучащие, смотрел на всех вытаращенными глазами и стеснялся, что лежит при них, что болен, хотя считал себя здоровым... и в то же время счастье всё больше и больше наполняло его...

Фейгин постоял молча, а потом что-то быстро вполголоса сказал по-еврейски, Венька не расслышал, зато Эсфирь отчётливо и саркастически ответила: «Аваде!¹ – и обратилась к нему: Ты можешь попросить маму, чтобы она зашла ко мне в школу?». «Нет, не так, – запротестовал Фейгин, – сама зайди сюда ещё раз. Когда бывает мама? Поздно? Тогда зайди в воскресенье. Всё. Генуг². Тебе не надо больше... ладно... потом...» – прервал он сам себя.

Венька был удивлён, что они разговаривают так, будто давно знают друг друга. Незнакомое ревнивое чувство неприятно укололо его, заставляло нервничать, злиться, что он сидит взаперти... И три ночи подряд ему снились рыцари в шлемах и латах верхом на конях. Они надвигались «свиньёй» на него, и он отчётливо видел на сверкавших щитах выпуклые буквы Р.У.

«Берегись!» – кричала ему Эсфирь, и он, вздрогнув от её голоса, вырывался из оцепенения страха и успевал увернуться от смертельного удара меча. Всадник, не рассчитывавший на промах, тянулся вслед за рукой, направлявшей тяжеленный меч, и падал с лошади. Тогда Венька подлетал к нему

¹ Как же!

² Достаточно.

и тут ясно понимал, что ничего с ним не может поделать, потому что безоружен, а удар кулака по латам... Он судорожно искал взглядом вокруг хоть что-нибудь... но ничего – пусто! И вдруг появлялась Позднякова, подбирала выпавший рыцарский меч с земли и протягивала Веньке. «Ура!» – орал Венька, поднимал двумя руками тяжеленное стальное оружие над головой и с хрупом опускал его на ненавистный панцирь...

– Мама, вы б его тормошили хоть, когда он кричать начинает, а то опять слетит с кровати да, не дай Бог, головой-то стукнется... Всё равно не спите, – голос тёти Вали долетал глухо из-за занавески.

– Не сплю, не сплю, – отвечал ворчливый бабкин голос, – за вас молюсь... Господи, за какие грехи караешь?

– Полно, мама, молитесь молча, мне на смену в пять вставать...

И Венька снова проваливался в свой сон. Самое удивительное, что он впервые видел сон с продолжением. Рыцарь как ни в чём не бывало поднимался после Венькиного удара и шёл на него... Наперерез бросалась Позднякова, тихо сквозь зубы выдавливала: «Беги!» – и...

– Милок, ты попей, попей... и на другой бок ляг, – и бабка крестила его в темноте. Он видел движение её руки на фоне лунного окна...

Когда Фейгин разрешил выйти на улицу, Веньку встретил смутный, серый, влажный день и обернул его, как простыня.

Он зажмурился, втянул носом сырой воздух. Глаза закрылись сами собой, и, чтобы не упасть, Венька схватился рукой за перила крыльца...

Вечером мама пришла за ним.

– Коли что не так, прости, дочка, – сказала бабка Дуся и перекрестила их.

– Хватит, мама, – как обычно оборвала Нинкина мама. – Циля, садись. Поужинаем, – она поставила на стол бутылку, налила в граненые стаканы и, не дожидаясь, чокнулась с маминым стаканом.

– Спасибо вам за всё...

– Не надо, – опять оборвала Валентина. – Когда её отца забрали, ей шесть было, – она громко сглотнула, прикусила губу, протолкнула что-то мешавшее ей в горле и совсем жёстко добавила: – Меня в эшелоне Абрам Григорич выходил, царство ему небесное, а то бы... – и она махнула рукой.

– За что? – тихо прошептала Венькина мать, посмотрела на стакан, наполовину наполненный водкой и, неумело приложив край его к губам, начала пить...

– Ты разом, – подсказала Валентина и снова плеснула из бутылки, – давай...

– Эх, Валентина, – вздохнула бабка...

Потом они долго сидели, потихоньку с надрывом пели «Что стоишь, качаясь...», «Синий платочек», любимую Венькину песню, и «Там, вдали за рекой...».

– Пойдём, почитаем, – несколько раз приглашала Нинка

и начинала что-то быстро тараторить. Но Венька только отмахивался – он никогда не видел маму такой.

– Не тушуйся, Цилька, – не совсем трезвым голосом ободряла Валентина – обнимались и целовались на прощанье. Венькина голова с непривычки клонилась. В комнате было душно... – Заходи... выпьем... всё одно... Бог не выдаст – свинья не съест...

Глава IV. Лизавета

Знакомые дом и двор встретили Веньку по-новому. Что-то неуловимо изменилось в их отношениях – они стали занимать меньше места даже в том небольшом мире, который знал Венька прежде, до своей болезни.

Двухэтажный дом, обшитый с боков длинными чёрными досками, был похож на высоченный кузов ЗИСовской пяти-тонки, крыльцо торчало, как мотор с кабиной, и непонятно только, как въехал сюда и втиснулся между толстенными соснами этот грузовик – так плотно они его обступили. Ни царапины на стволах, ни следов колёс. Меж бронзовых стволов на сильно провисшей верёвке перекинута пальто полами мели замёрзшую пыль, когда по ним ударяла палка. Правда, удары были несильными и редкими. И Лизкино лицо появлялось из-за ходившего вверх-вниз тряпья и скрывалось за ним – тогда видно было несколько прядей взлохмаченных волос.

*Лиза, Лиза, Лизавета
Я люблю тебя за это,
И за это, и за то,
Что почистила пальто...*

Независимо от его желания – это зазвучало у Веньки внут-

ри. Он не стал произносить привычную дразнилку вслух, а стоял, прислонясь спиной к дереву. Лизка не замечала его. Ему было хорошо. Наверное, он соскучился по всему, что видел.

«Бум. Бум. Бум». Лениво раздавались удары и застревали тут рядом, между сосен. Стукнула форточка, и скрипучий голос упал из неё: «Генуг шен!»³. Лизка перестала стучать, повернулась и пошла к крыльцу.

– Здорово, Вениамин, – прозвучал над ухом Генкин голос. Раньше это означало выяснение отношений. Драться не хотелось. Да и приветствие казалось необычным – Генка никогда не окликал его полным именем, если не пользовался оскорбительными словечками.

– Здравствуй! – тоже необычно (и не оборачиваясь) ответил Венька.

– Предлагаю объединиться против агрессивных сил для совместной борьбы, – Генка всегда выражался лозунгами, подслушанными из тарелки, что не мешало ему усваивать программу каждого класса по два, а однажды и три года.

– Какого? – повернулся Венька.

– Не дури. Кто старое помянёт... мы тут все всё знаем, как ты один их разделал... Тот, который в больницу попал, поклялся убить тебя. Его отчислили и в деревню к бабке отправили, у него больше нет никого. Ремеслуха попритихла, но мы не должны терять бдительность – враг не дремлет!

³ Хватит уже!

Идёт?

– Хорошо... – недоумённо выдавил Венька...

– Одно условие, – сурово отчеканил Генка. – Согласен?

– Какое? – удивился Венька. Он вообще плохо понимал, какое отношение происходящее имеет к его заклятому врагу Генке, которого не однажды бил и от которого получил немало объёмистых синяков. – Какое?

– Лизку... – Генка кивнул в сторону верёвки и помялся, – Лизку не трогай!

– Как – не трогай? – не понял Венька. – Я её никогда не задирал, она же девчонка...

– Вот именно, – вдруг совершенно не идущим ему голосом просто сказал Генка. – Вот именно. Не в том смысле... ну, в общем – она моя, понял...

– Как твоя?!

– Я женюсь на ней...

– Женишься?

– Я видел, как ты тут смотрел на неё! Она, конечно... очень красивая... Если согласен – тогда вечный союз антигитлеровской «калиции», – Генка так произносил это слово.

– И она согласна?

– Ты что, дурак? – беззлобно отпарировал Генка. – Это я так – заранее отшиваю соперников... и потом, мы же живём в одном доме... знаешь, раньше всегда брали жену из своей деревни... А чего далеко ходить – хозяйство рядом, папа-мама...

– Слушай, Генка, а как же ты... – Венька посмотрел ему в лицо, – ты же клялся, что ненавидишь евреев, забыл?

– Опять начинаешь, – с явным сожалением протянул Генка, – я к нему по-хорошему, – стал он жаловаться, обращаясь к соснам, – а он... Я ж тебе сказал: кто старое помянёт...

– Да это я так! – перебил Венька. – Я что? И никак я тут на Лизку не смотрел. Женись. Просто пока меня не было...

– Правильно, – обрадовался Генка...

– А как же Малка? – не слушая, продолжал Венька. – Она ж такой крик поднимет, что Лизка за гою собралась, что ты сбежишь сразу – все сбегут...

– Ничего, – уверенно набычился Генка. – Поорёт и перестанет – это ей не на рынке. Это она там привыкла – мы её от этих... – он сделал паузу, подыскивая слово вместо «еврейских», но, ничего не найдя, так и пропустил его, – штук быстро отучим... Руку! – он картинно пожал Веньке руку, повернулся и направился вслед за Лизкой к крыльцу-кабине. – Если что – я рядом! – обернулся он. Венька кивнул головой.

Он стоял всё в той же позе, сильно упёршись затылком в ствол, и какие-то картины плыли перед его видящими совсем другое глазами. Вот орущая Лизкина мать – такое часто бывало во дворе. Её жирный живот колыхается так, что, кажется, перетянет маленькую головку, и она немедленно ткнётся ею в землю. Вот Лизка, косившая одним глазом, отчего всегда казалась много взрослее, с подкрашенными гу-

бами и нарумяненными щеками, идущая с Генкой под руку. Потом он представлял себя на Генкином месте, но вместо Лизки с ним рядом шла уже Малка, с Лизкиным лицом, и опять этот проклятый живот, обтянутый засаленным платьем, торчал, как свинцовый шар. И запах кухни ударял ему в нос. Он смешивался с приторным ароматом перетрума и керосина. Тошнота подступала к самому яблочку, и кружилась голова. Потом зашипел патефон, и какое-то сладкое танго стало прорываться туманными словами в сознание...

– Тебе что, плохо? – спросил сзади Лизкин голос.

Венька обернулся резко. Голова у него действительно закружилась. Он зажмурился и, чтобы прийти в себя, отрицательно замотал головой.

– Что он хотел, этот маклак, что он тебе наговорил? – Лизка спрашивала так, как будто он обязательно должен был ей ответить! Венька открыл глаза и близко-близко увидел её лицо: нежную кожу, быстро бегающие глаза, поочерёдно упиравшиеся в него, так что непонятно было, какой из них косит, полуоткрытые губы и за ними ряд ровненьких белоснежных козочек – зубчиков... – Что он женится на мне? А рихн зайн татнс татн арайн!⁴ Не верь ему! – она положила Веньке на щёку свою ладонь – мягкую, тёплую, как-то сразу сросшуюся с его лицом, и еле слышно повторила: – Не верь ему. Я тебя подожду. Глейб им нит...⁵ – потом быстро опустила

⁴ Неприличное сильное еврейское ругательство.

⁵ Не верь ему...

руку, поцеловала его и отступила назад.

Венька стоял несколько мгновений, не шевелясь. Когда он обернулся, Лизкино тёмно-бордовое пальто мелькало между стволов. Она шла уверенно, не глядя под ноги. Иногда каблук, попав на край кочки, свихивался набок, но уже при следующем шаге опять ступал ровно. Веньке нравилось, как она идёт, как двигаются из стороны в сторону полы её расклёшенного пальто, как несколько прядей волос поднимаются и опускаются над головой. Неожиданно снова возникли слова: «Я тебя подожду!», и только теперь дошёл их смысл. Ему стало жарко, он почувствовал, как ему стало жарко: шее, щекам, потом груди и рукам – оглянулся вокруг и понял, что произошло, пока его не было так долго: он стал взрослым.

– Бесер нит рейден аф идиш!⁶ – тихо сказала Эсфирь Яковлевна и кивнула головой назад, где стоял Кобзев. – Зей кукн!⁷

– Я хотел... – начал было отец.

– Их вейс – эр форштейт алц!⁸ – прервала его Эсфирь.

Венька стоял рядом с ней и не обращал внимания ни на её опасения, ни на непонятливость отца, что этот Кобзья шпионит и сейчас же побежит к директору и доложит, что приходил к историчке Венькин отец, и они о чём-то говорили по-

⁶ Лучше не говорить по-еврейски!

⁷ Они следят!

⁸ Я знаю – он всё понимает!

еврейски. И конечно, он, Венька, давно всё понимает, просто отец так мало бывает дома – уже после того, как четыре года отвоевал, что и не знает этого. Всё это проносилось как бы вскользь по Венькиному сознанию – он таял оттого, что так близко стоит с ней рядом и вдыхает этот запах, от которого можно сойти с ума, и отдать всё что угодно, и сделать всё что угодно, только бы всегда быть вот так рядом и так дышать...

– Ты понял? – дошёл до него голос отца... – Эр холемт!⁹

– Я с ним потом сама поговорю, – сказала Эсфирь спокойно, – не волнуйтесь, всё будет в порядке. Не волнуйтесь...

⁹ Замечтался!

Глава V. Встреча

Смысл разговора дошёл до Веньки не сразу. Отец приходил в школу, потому что слухи о безобразной драке дошли до РОНО, директор вызвал его, намекая на что-то значительное, и объявил, что «ученика Марголина больше в своей школе держать не хочет». Два ремесленника пострадали так, что попали в больницу, а поэтому, конечно, могут быть сделаны оргвыводы и по отношению к родителям Марголина, ибо ремесленники живут в интернате! И уж ясно, что и его, директора, не помилуют. Время сложное, и ответственность за воспитание подрастающего поколения большая. Нет, он не фронтовик, не воевал, потому что государство поручило ему этот ответственный пост. Он не отсиживался и бронь не просил – его оставила партия! Или не всем понятно, что слово партии – закон?! Отец не хлопал дверью, он сжал челюсти так, что, когда скрипнули зубы, директор отшатнулся и испуганно уставился в его лицо.

Эсфирь высказывала свою точку зрения: что мудрость стратегии – в умелом применении тактики! Кутузов, вот, тоже сдал Москву, чтобы выиграть кампанию! И вовсе не всегда отступление – это то же, что поражение, а лезть на амбразуру совсем не обязательно, тем более если эту огневую точку можно просто обойти, не подвергая себя опасности.

Это всё Венька выяснил потом, много позже, а пока на него обрушилась страшная беда. Пострашнее его болезни – он вдруг узнал, что его переводят в другую школу, на ту сторону линии, чтобы он не таскался два раза в день через пути и, главное, не пересекался с ремеслухой. И жить они будут там же, на другой стороне, недалеко от стоящей на окраине посёлка школы – два километра от станции, от центра жизни. Сначала он не сообразил даже, что теперь у него не будет уроков истории, что он не сможет на пустыре поджидать её, как бы случайно там оказавшись, и что у него просто нет никаких возможностей видеться с ней.

Сразу так много неожиданного, в голове крутились разные мысли, варианты, планы – что делать. Он никак не мог сосредоточиться. Всё путалось, перемешивалось, никак не успокаивалось, только вызывало раздражение. От всего этого никаких решений не приходило – ну, хоть бы на следующий шаг...

Он сидел на корточках, прислонясь костлявым своим хребтом к сосне, и единственное приятное, что ощущал в этот момент, – шероховатую тёплую поверхность коры. Он откинул голову назад, поднял глаза и смотрел, смотрел на уходящий вверх ствол. Взгляд его пересекался с отмершими чёрными сучками, с бронзовыми ветками, с веерами зелёных иголок, добирался до выцветшей голубизны неба, скользил вместе с облаками сквозь чашу ветвей, доплывал до соседней кроны и возвращался назад, как будто он читал

книгу, и взгляд мог двигаться только от одного до другого края страницы. Когда начало ломить затылок, Венька опустил глаза и увидел прямо перед собой Лизу.

– Пойдём, – сказала она, повернулась и пошла. Венька по-медлил несколько мгновений и поплёлся за ней. Они подошли к дому, Лиза взошла на крыльцо, теперь внимательно посмотрела на него, призывно кивнула головой и открыла дверь.

В комнате воздуху было тесно от запаха перетрума, дуста, пыли и какого-то приторно-сладкого аромата. Лизка обернулась к Веньке, стащила с него пальто и шапку, вздохнула, а потом пригладила волосы, чмокнула в щёку, сказала: «Какой ты ещё дурачок», потом легонько толкнула его в грудь, и от неожиданности он мгновенно потерял равновесие и грохнулся на стоящий сзади стул. Лизка засмеялась и исчезла за занавеской. Там она загремела посудой, вышла в красивом платье с двумя чашками в руках и остановилась перед ним: «Ну?!». Венька сидел, не шевелясь. Он вообще плохо понимал, что происходит, – так много событий сразу он не мог переварить. Он думал о своём, глядя на Лизку, а где думать, не имеет значения. Не то чтобы он сам думал, заставлял себя или давал такое задание – ему думалось против воли, само собой.

– Ты чего такой? Что случилось? Пришёл к барышне и сидишь, как пень! Если ты из-за Генки, так не обращай внимания – мало ли что он наговорит. А нарешер!.. Их бин

нит а шиксе...¹⁰ Ему так хочется... а как будет, это только я знаю... Да не бойся ты! Ты что – и в самом деле маленький?.. – она стояла теперь так близко перед ним, сидящим на стуле, что его взгляд упирался только в широкий пояс, завязанный бантом со свисающими концами. – Я могу и на тебя обидеться, – капризно сказала Лизка и наклонилась так, что теперь их глаза были на одном уровне. – Ну!

Венька только чувствовал, что это «ну!» похоже на то, как понукают лошадь, но не знал, что надо делать, может, тоже бежать скорее. Он внимательно посмотрел прямо в её зрачки, которые, как всегда, двигались из стороны в сторону, и сказал:

– Меня переводят в другую школу...

– Ну и что? За драку?

– Да! Отец ходил к директору!

– Ерунда! Подумаешь... – фыркнула Лизка.

– И мы уезжаем отсюда... – сообщил Венька.

– Уезжаете? Как?

– На ту сторону... на Советскую... поближе к школе...

– Поближе к школе, – машинально повторила Лизка.

– Да... – в горле у Веньки стоял комок.

После грустного молчания Лизка опустила перед ним на одно колено, вывернула голову так, что её лицо оказалось ниже Венькиного, и прямо выдохнула на него:

– Знаешь, это даже лучше – я буду приходить к тебе, ты ко

¹⁰ Дурачок!.. Я не шикса... (шикса – хабалка, нееврейка).

мне, а то тут всё на глазах очень, – и поцеловала его прямо в губы. Венька отшатнулся. Лизка отошла и отвернулась. – А теперь уходи – скоро мать вернётся... Слышишь...

Глава VI. Новичок

Снег выпал неожиданно. Ночью, в первый день после их переезда. Из-под его тонкого слоя торчали высохшие травинки, кое-где даже зелёные ростки, кочки, ветки – всё, привычное вчера, теперь казалось незнакомым. Приятно было смотреть на эту новую и в то же время привычную картину.

Одноэтажное здание школы из толстенных стволов выделялось среди прочих. Его построили в прошлом веке и ни разу не ремонтировали. Чистые стёкла в переплётках огромных рам сверкали особенно ярко от белизны новой, может быть уже сотой, зимы, которую они видели. Внутри было тепло. По-домашнему скрипели широченные половицы. Попахивало дымком и сосновой смолой. И учителя были какие-то домашние, и классы не переполненные. Венька все уроки просидел молча. Его никто не задирает, как обычно – новичка. Он ничем не отличался от остальных: ни стрижкой, ни своими лыжными брюками из «чёртовой кожи» в чернильных пятнах.

На первый день работы у него было выше головы: прочитать все надписи на парте – и не только свежие, вырезанные и процарапанные в прошлом, а может, и в этом году, но главное, те, что заплыли чёрным лаком, наслоенным не одним десятилетием. Удалось расшифровать немного: «Новик...» – может быть, Новиков. Потом наискось – ровно

и не сбивая строки: «Нина + ...». Кто был этот плюс, осталось тайной, зато сразу стало грустно по своему классу, Нинке Поздняковой, тараторке. Он высматривал по привычке законную жизнь. Но здесь она была много беднее, то ли дело обзор с задней парты со второго этажа. Тут взгляд упирался в маленький редкий штакетник забора. По лаге благополучно шествовала серая кошка и явно кого-то высматривала на ветке. Она делала шажок, замирала с поднятой и полусогнутой лапой, пригибала холку, вытягивала вперёд шею и снова делала крошечный шажок. Ещё было видно какую-то закутанную восьмью платками тётку, тащившую санки с бидоном, – наверное, отправившуюся по воду. Венька стал придумывать, как она будет наполнять бидон и как поведёт, чтобы он не соскользнул. Делать было нечего. Скукота. Его никто не трогал, не вызывал, не спрашивал. Он ждал последний звонок. И, как только тот раздался, побежал трусцой в свой новый дом. Отдельный, свой вход – это было так непривычно! Он открыл дверь ключом, висевшим на шее, бросил сумку, отрезал ломоть хлеба, посыпал его сахаром и, хотя ему строго-настрого было запрещено ходить одному на прежнюю квартиру, отправился по Советской к станции. Через две улицы он нагнал мальчишку, медленно и неохотно тащившегося с тощей полевой сумкой через плечо. Веньке показалось, что они только что были в одном классе. И точно – когда они поравнялись, тот спросил: – Ты что, тут недалеко живёшь?

– За школой... а ты тоже на станцию?

– Мать велела хлеба купить...

– Ну, пошли...

– Я – Шурка Соломин, – он, как взрослый, протянул руку.

– Вениамин, – фамилию уточнять не стал.

До станции было два километра. Они шли, не спеша.

Светлый день незаметно по-зимнему серел. Навстречу попадались только женщины с кошёлками, чем ближе к магазинам, тем чаще. Когда уже показались магазины, выстроившиеся в ряд вдоль платформы, и сгрудившиеся между ними палаточки ремонта часов, обуви, с сигаретами и консервами, из-за них вывалилась стая ремесленников.

Их было пятеро. Венька невольно притормозил. Шурка посмотрел на него, проследил его взгляд и тихо, помедлив, прошипел: «Я драться не умею, пошли, пошли», – и потянул Веньку в сторону. Тот отдернул руку и прирос к месту. Среди «чёрных» Венька заметил одного из тех четверых. Тогда он лёг сзади Нинки, и она через него полетела назад. Бил он или не бил, Венька не помнил. Силы были явно не равными. Холодок потянул по спине. Он стоял и смотрел на них в упор. Расстояние было достаточно большим, чтобы рвануть и забежать куда-нибудь, даже в двухэтажную синюю милицию, но такой вариант Веньку не устраивал. Драться тоже было нельзя, не говоря уже о том, что они впятером могли с ним сделать... он дал слово всем... кому всем? Да всем подряд! Родителям, старому директору Сковородкину, как мы его

прозвали, Эсфири, Лизке, Нине и её бабке, даже доктору Фейгину... может, и ещё кому-то, кажется, соседям и даже Генке, потому что тот привязался со своей дружбой и взял с него слово, что если Веньке надо будет драться, то только с ним вместе против общих врагов.

Ремеслуха тоже притормозила, но не остановилась. Они на ходу о чём-то быстро спорили и пошли мимо вдоль платформы, киосков, магазинов к переезду.

– Мне в магазин, – тихо напомнил Шурка, – а ты?

– А мне на ту сторону, – решительно ответил Венька и шагнул тоже вдоль платформы, только в противоположную сторону: «Тут ближе перейти рельсы, – успокаивал он себя, чтобы самому себе доказать, что не струсил, и почему-то вспоминая разговор о стратегии и тактике. – Если б струсил – повернул бы назад. Может, конечно, и стратегия, и тактика, но если они поймут, что боюсь, – будут бить всё время».

– Ты меня навестить собрался?

Как она умеет неожиданно появляться, удивился Венька.

– Идём, я тут матери помогала. Идём же, а то она сейчас выглянет, – Лизка потянула его за рукав. Они проскользнули между двух ларьков и оказались как бы на заднем дворе среди куч мусора, консервных банок, разбитых и целых ящиков из-под водки и копчёной рыбы... – Я сама хотела тебя найти. Как устроились? Как в школе? – Лизка смотрела на него внимательно и серьёзно.

И вдруг он почувствовал, что ему хочется всё ей расска-

зять про переезд, про непривычное ощущение отдельного входа в жильё и отсутствие кухни с тринадцатью соседями, про собаку, которая охраняет двор, школу и новый равнодушный класс, про Шурку – ему некому было больше рассказать! Нинка начнёт учить, что так, что не так – друзьям... а кто друзья? Школьные товарищи, с которыми за полгода, что он здесь, ещё не успел подружиться... Отец всегда в отъезде, мама с утра до ночи на работе... Венька уже начал говорить, что он хотел всё ей рассказать сейчас, но здесь как-то...

Из-за палатки выскочил Генка:

– Вот ты где! А! Вениамин! Здорово! В гости, значит! Уже соскучился! Давай! Лиза, надо сумки отнести – мать велела!

– Вот и отнеси, – спокойно возразила Лизка.

– Темнеет уже... тут ремеслуха бродит...

– Ничего. Меня Венечка проводит, – Генка открыл рот, чтобы возразить, ему явно не по душе было оставлять их одних... – Ну! – поторопила Лизка.

– Ладно! – жёстко сказал Генка и перехватил тяжёлую, видно, сумку.

– Ты что насупился? Из-за него, что ли? Ой! Ротозет!¹¹ Мне вырваться отсюда надо, – вдруг зашептала она, близко придвинув лицо, – вырваться, понимаешь! Я не могу больше при отце и своей мамаше. Спать с ними в одной комнате, выслушивать всё...

¹¹ Ой, спасите!

– Куда?

– Ин дер велт арайн!¹² – она неопределённо махнула рукой.

– А зачем ты школу бросила?

– Семь классов есть – и хватит! Ты не думай о нём – он пусть сумки таскает... под мою мамашу подбивается. Его отец узнает – убьёт его, за то, что я еврейка, а мне-то что... ты не думай...

– Я сегодня опять с ремеслухой встретился, – неожиданно для себя сказал Венька.

– Ты что! – испугалась Лизка. – Когда? Сейчас?

– Они мимо прошли.

– Может, не заметили?

– Нет. Видели и мимо прошли.

– Как же ты обратно пойдёшь? Может, у тётки переночуешь?

– Нет. Родители с ума сойдут.

– Генку пошлём предупредить! – решительно сказала Лизка.

– Нет, – твёрдо ответил Венька. – Идём. Я тебя провожу.

– Вот ещё! Меня провожать не надо. Пойдём мимо переезда – там Арон торгует, в случае чего, у него спрячемся.

– Они и пошли к переезду!

– Не сторожить же!.. Пошли...

Они дошли до переезда, и, когда Венька хотел попрощать-

¹² Куда глаза глядят!

ся, чтобы идти на свою сторону, он почувствовал, как Лизка крепко взяла его под руку и пошла вместе с ним: «Так надо!». На углу Советской она остановилась, встала перед ним лицо в лицо и быстро заговорила:

– Сейчас добровольцев набирают. Не перебивай. Мне Арон сказал, ему его дядя рассказал – танкист. Набирают добровольцев в Израиль строить там социализм. Как у нас. Помогать им. Там сейчас новое государство будет... Сооб- ражаешь? – она помолчала. – Не приходи, когда темнеет... я ведь тоже волнуюсь... – она хотела поцеловать Веньку. Он это почувствовал. Но, когда приблизила лицо, посмотрела ему в глаза, махнула рукой и быстро пошла обратно к стан- ции.

Венька решил, что теперь самое правильное – зайти к Поздняковым. Не столько даже к Нинке, а к бабе Дусе. Очень ему нравилось, как она говорит, как угощает, как на всё у неё есть своя мудрость – и всё это неторопливо и со- вершенно независимо. И ещё ему очень нравилось, что она крестит его, равно как и всех остальных. И в то время, как её пухлая коричневая рука осеняет его голову, он чувствует еле уловимый тёплый запах – так пахнет летом в жару скошен- ная полянка, и от этого запаха ему каждый раз становилось спокойно и даже как-то радостно.

«Ты, милый, не тушуйся, что не крещён в веру нашу, которая пришла к нам от стен Иерусалимских и с гор Иудейских». Слова непонятно завораживали и открывали

какую-то невидимую дверцу в мир, где всё так просто, понятно и точно, где на каждый случай жизни есть правило и молитва, и даже такая старая и неграмотная баба Дуся знает, что надо делать, и что будет, когда сделаешь...

Венька решил, во-первых, навестить бабу Дусю, во-вторых, если за ним следит ремеслуха, запутать следы – дом Поздняковых они всё равно знали, а где он сейчас живёт, ещё наверняка не успели установить. Он почувствовал себя немного разведчиком, о которых читал в книжках. Главное же, если мама спросит, – не врать, а сказать, что да, ходил к станции, чтобы навестить бабу Дусю и ещё, конечно, просить Нину объяснить, что пропустил... за время переезда и перевода в другую школу.

Глава VII. Солома

К Шурке Соломину Венька заглянул через несколько дней. Они вместе вышли из школы и отправились к нему домой. Это оказалось совсем недалеко. Улица упиралась прямо в опушку леса. На краю, огороженный высоченным зелёным забором, стоял двухэтажный, тоже зелёный, с белоснежными рамами окон дом. Видно было, что он построен недавно. Внутри пахло краской, щелей в ярком полу не было, и стены, отделанные светленькими весёлыми дощечками, покрытыми лаком, казалось, пропитаны солнцем и делятся им в любое время дня и ночи.

– Мам! – крикнул Шурка и, не дожидаясь отклика, добавил: – Я пришёл с Венькой, он у нас новичок в классе!.. Раздевайся, пошли!..

Шуркина мама, как и Шурка, точно соответствовала фамилии – казалось, они сделаны из соломы: соломенные волосы, веснушчатые рыжеватые лица, зелёно-жёлтые глаза и тонкие гибкие фигуры с длинными руками. Венька даже онемел от удивления – как они похожи.

– Ты что, всегда такой неразговорчивый или недомогаешь? – поинтересовалась мама.

– Нет, я... простите, – Венька замялся.

– Мам, ну, что ты сразу, – заступился Шурка. – Мы пойдём за шишками...

– Никаких! – спокойно отрезала Людмила Ивановна. – Руки мыть... и за стол.

– Я... – начал было Венька.

– Тогда зачем пришёл не голодный? – Шуркина мама говорила так, что возразить ей не было никакой возможности. – Ты из каких же будешь? Из цыган или из евреев?

– Мам, ну, что ты, в самом деле? Разве не всё равно?

– Не всё. Цыгане конину любят, евреи – курицу, а у нас только картошка с капустой... – она перехватила Венькин взгляд, – это всё не наше. Мы тут сторожами живём, генеральский дом сторожим, слава Богу, спасибо добрым людям – пустили, да ещё платят, что на хлеб с молоком хватает.

– У меня в войну от голода туберкулёз случился, – сказал Шурка. – Фейгин велел лесным воздухом дышать... Ну, вот...

– Вы тоже знаете Фейгина? – невольно вырвалось у Веньки.

– Почему «тоже»? – возразила Людмила Ивановна. – Это он всё и устроил с этим домом...

– Воевал он с этим генералом... Мажуков, лётчик, не слышал? Герой Советского Союза!

– А очередь в лесную школу ждать – помрёшь скорее... – продолжая думать о своём, вздохнула Шуркина мама. – Ты не бойся, он не заразный...

– Я не боюсь вовсе! Почему вы решили? – Веньке стало неловко. Он как сидел, не промолвив ни слова, так и не стал

ни возражать, ни оправдываться. В тишине слышно было, как что-то булькает на плите голландки.

– Да многие пугаются, – потупился Шурка... – боятся заразиться, но мне Фейгин в школу разрешил ходить...

– А я в войну не ходил почти, – тихо выдавил Венька и опустил подбородок на грудь. – У меня ноги нарывали от голода...

– Во как, – без всякого удивления махнула рукой Людмила Ивановна. – Всем досталось. Хватит веселиться. Руки мыть.

Чёрт его знает, почему у других всегда так вкусно обедать! Щи да каша!.. Как в поговорке... а дома мама оставляет обед – и стоит он до вечера. Может, потому что один? Надо будет проверить – вот пригласить Шурку и проверить. Они набирали шишки для живущего в доме в холодном чулане клеста с подбитым крылом, чистили дорожку до калитки, кололи дрова и таскали их в кухню, где топилась печь, согревавшая весь дом. И всё время говорили, говорили. Похоже было, что каждый давно соскучился по собеседнику, и теперь они рассказывали и рассказывали друг другу всё подряд: и пустяки, и сокровенное, как в вагоне поезда, в теплушке под равномерный перестук колёс. Это разговор с самим собой только при допущенных свидетелях, которые совершенно необходимы, чтобы такой разговор начался.

Венькина жизнь складывалась так, что они всё время переезжали, и он не успевал завести себе настоящих друзей. Шурку ребята всегда задирали и дразнили за его соломен-

ные, нелепо торчащие волосы, веснушчатое остроносое личико и хилую со впалой грудью фигуру – детская жестокость известна. Но Шурка не озлобился, он просто ушёл в себя. Душа его только ждала момента, и вот появился Венька... Он рассказал ему, что живут они в этом доме уже второй год, что мать надомницей стала: вяжет и сдаёт в артель с тех пор, как отец от них ушёл... ещё в войну... А за ним, за Шуркой, уход нужен. Раньше она хорошо зарабатывала. Но теперь бросила, потому что ездить далеко: два с половиной часа в один конец, и возвращаться страшно. «Она у меня красивая!». Тихо и с восхищением он произнёс это и замолчал. Потому что по смыслу выходило так, что и говорить нечего, – лучше уж ничего не скажешь.

Венька тоже рассказывал Шурке о том, как получили похоронку на брата, как добирались сюда на пароходе по реке, и в таком тесном вагоне, что, когда он упал с третьей полки, до пола не долетел: сначала свалился на кого-то, а потом на мешки... Его очень удивило и задело, как Шурка сказал о матери. Он вдруг подумал, что никогда не сравнивал ни с кем свою маму и даже не знал, красивая она или нет. И теперь невольно думал только об этом и старался вспомнить её лицо и фигуру, чтобы тоже понять, какая она, – но не мог. Он говорил, а думал совсем о другом. И сравнивал теперь Шуркину маму, свою, Эсфирь, тётку и девушку из фильма, который недавно видел, потом стали всплывать в воображении Лизка, Нина, баба Дуся – она была очень красивая на фо-

тографии на стене. Венька долго не верил Нине, что это её баба Дуся. Потом он стал вспоминать Лизкину мать Малку, медсестру, которая делала ему прививку, зачем-то уборщицу, которая их каждый раз встречала в школе утром... он хотел остановиться, казалось, женщинам не будет конца, но у него ничего не получалось...

И вдруг одна простая мысль поразила его так, что он даже перестал рассказывать, и Шурка дёрнул его за рукав: «Ну!». И он, сам не зная, почему и вовсе не к месту, произнёс: «Знаешь! А у меня самая лучшая мама на свете!» – это прозвучало так наивно по-детски, как в утренней радиопередаче, что стало неловко. Но Шурка смотрел серьёзно и, казалось, готов был подтвердить это. Тогда Венька добавил: «И столько мы вместе пережили...».

Глава VIII. Визит

Сговорились идти к Поздняковой вместе. Повод Венька придумал моментально: надо отдать книгу. Ему очень хотелось познакомиться Шурку с Ниной – он даже сам не мог понять, почему. Не затем же, в самом деле, чтобы похвалиться, какая у него есть знакомая, тараторка и отличница... а может, и так... Во всяком случае, себе в этом он не признавался. Сначала отправились на станцию покупать конфеты. Неудобно же вдвоём, ещё и «с пустыми руками», как говорила мама. Самыми лучшими конфетами на свете Венька считал подушечки в сахаре. Шурка с ним не согласился – его идеал был «Раковые шейки» в шоколадных кремовых фантиках с красным раком. Чтобы не спорить долго, решили, что, конечно, «Мишка на Севере» посильнее будет, но выходило, что на их сбережения не достанется каждому по «Мишке», а подушечки для чая – «самое то, что надо!».

Баба Дуся встретила их, как всегда, приветливо. Сказала, что у Нинки какой-то сбор, и никак не могла в толк взять, чего они на нём собирают зимой, когда вся трава под снегом. Ребята хотели уйти и встретить Нинку по дороге, но бабка не разрешила. «Хватит, Аника! – твёрдо сказала она и перекрестилась, пришёптывая: – Прости, Господи! Ты-то уж навоевался! Хватит! Мне грех на душу будет – опять, не дай Бог, этих разбойников повстречаешь!». Веньку снова пора-

зило, что бабуку ведёт что-то, сначала просит у Бога прощения – за что? Потом какой-то грех – и опять крестится. Выходило так, что она Бога чувствует, как они в школе своего директора Сковородкина – тот тоже всё всегда и про всех знал. «В новой школе совсем не так, – думал Венька. – И ребята живут не так – никто же не оглядывается каждую минуту ни на Бога, ни на директора – так с ума сойдёшь!».

Пока бабушка кипятила чайник на керогазе и накрывала на стол, Венька показал Шурке её фотографию на стене и был очень доволен: Шурка подтвердил, что она и правда «очень!».

Нина пришла скоро, разруганная с мороза, в какой-то розоватой вязаной шапочке, припорошенной снегом, – Веньку вдруг поразило её сходство с бабушкиной фотографией на стене, и он невольно оглянулся, чтобы сравнить. Когда же он перевёл глаза на Шурку, то увидел, как тот, насколько это вообще было возможно его рыжему веснушчатому лицу, покраснел: и шея, и уши – всё стало ярким... Хотелось потрогать, не горячее ли. И Нина тоже смутилась, подавая ему руку для знакомства. Но неловкость сразу исчезла – бабушка разряжала любую заминку своим присутствием – то ли от неё исходила какая-то особая, приобретаемая только с тяжело пережитыми годами доброта, то ли по природе ей это было дано. Весело пили чай, вспоминали смешные случаи, Шурка пригласил Нину посмотреть его клеста, вернее клестиху, которая села на яйца, что теперь больше всего заботило его

с мамой – надо было её кормить и охранять от кота.

Смерклось неожиданно быстро. Такой день зимой в нашем краю: только рассветёт, а уже сереет день и скукоживается, как береста на костре.

На обратной дороге Венька похвалился: «Мировая девочка!». «Да, – просто подтвердил Шурка, – я с ней дружить буду». Непонятно почему, это кольнуло Веньку, но он не подал виду и ответил: «Дружи. Она очень хорошая!».

Серое плотное пространство впереди превращалось в улицу только благодаря светлячкам окон, пробивавшимся сквозь снежные ветви. Потом из мглы выступали заборы, и даже можно было рассмотреть недоеденные дроздами и скворцами кисти рябины и тёмные ягоды боярышника. Венька останавливался, пригибал ветки, обсыпался снегом и рвал их застывшими пальцами. «Держи!» – протягивал он Шурке, и они набивали рот сладкой мякотью. На перекрёстке горел единственный фонарь на деревянном покосившемся столбе. В жёлтом свете ребята увидели приколотое свежее объявление: «Набор в драмкружок. Подготовка новогоднего представления...».

– Только что повесили! – уверенно сказал Шурка. – Когда днём шли, его не было.

– Какое это имеет значение! – равнодушно отмахнулся Венька.

– Имеет. Значит, там все на новенького, – он помолчал. – Ты любишь читать? Вот «Всадник без головы» или «Пёстрая

лента»...

– Нет, – перебил Венька, – это всё выдумки. Я люблю про Миклухо-Маклая, Пржевальского, Афанасия Никитина... Но если ты хочешь, давай сходим, запишемся...

В посёлке было два клуба. В старом, «зимнем», крутили кино и зимой и летом, и он находился «на той стороне», куда домашним законом дорога Веньке была закрыта. В новом, «летнем», именно летом работала читальня, тут давали шахматы напрокат, на покосившихся столиках играли в домино, торговали пивом в синей палатке, а по праздникам и выходным выступали артисты на открытой эстраде. Когда-то это было, наверное, красивое сооружение. Говорят, построили его при Шаляпине, и сам он открывал его и даже пел, но с тех пор, видно, его покрасили два раза – два, потому что одна краска, более светлая, выступала из-под второй, облупившейся. Это уже предположил Шурка, пользуясь дедуктивным методом Шерлока Холмса.

Драмкружок занимался в помещении за сценой. Тут было несколько комнаток и небольшой репетиционный зал. Пахло дымком и сковородкой, как всегда, когда топится буржуйка. Народа было немного – несколько взрослых и ребят. Все сидели на стульях, не раздеваясь, и тихо переговаривались.

– Вы в кружок? – выглянула девушка из одной двери. – Заходите! – и распахнула её пошире, чтобы их пропустить.

В комнате за столом перед зеркалом вполоборота сидел совершенно седой человек с красным лицом, белыми усами

и белой небольшой бородкой. Если бы не папироса между двух тонких изящных пальцев, можно было подумать, что это Дед Мороз лично пожаловал организовывать постановку к Новому году.

– Молодцы, что пришли! – сразу начал Белобородка, как его тут же прозвал Венька. – Дела всем хватит. Раньше не занимались? Ничего – у нас есть замечательная система Станиславского, по ней будем работать! Как вы о нас узнали?

– По объявлению!

– Правильно, – обрадовался Белобородка. – Видите, Верочка, я был прав! У нас действительно самая читающая страна в мире и нет безграмотных! Так? – он указал пальцем на Веньку.

Тот помедлил мгновение, соображая, что надо делать, и произнёс:

– Вениамин!

Белобородка перенёс свой палец на Шурку, и тот уже без задержки отрапортовал:

– Александр!

– Отлично! Ну, вот вам и первая задачка, которую вы решили совершенно верно! А теперь все в зал и через пять минут начинаем!

Венька не понял, какую они задачку решили, кто такой Станиславский и зачем в театре система, но Белобородка показался ему человеком добрым и слегка выпившим. Он поделился с Шуркой, и они решили, что не ошиблись.

– Положение у нас сложное, даже критическое, – начал руководитель, забираясь на сцену, – добавьте в центр! – скомандовал он, и, как по волшебству, что-то щёлкнуло, и вспыхнул свет. – Так. Положение сложное. Времени в обрез, как во всяком театре перед премьерой. Но мы должны сделать подарок зрителям, и поэтому репетиции через день в пять, а по воскресеньям с одиннадцати и до упаду! Согласны?

Вместо ответа кто-то тихо спросил из зала:

– А костюмы?

– Костюмы. Костюмы всегда проблема перед премьерой, но, я надеюсь, что мои старые друзья меня выручат и дадут напрокат за умеренную плату, как растущему коллективу, основные костюмы, а остальное: мамы, папы, бабушки, соседи и собственные руки. Чем больше людей мы вовлечём в наше дело, тем прекраснее получится праздник! – он помедлил, прошёлся по сцене, и видно было, что ходит он не обычной походкой, а как-то вышагивает – движется... – Итак. Вот пьеса. Самуил Маршак, «Двенадцать месяцев» – отличная идея, масса характеров, юмора, прекрасный язык, – он прищёлкнул пальцами...

– Людям всегда не хватает тепла... особенно зимой... – добавил он совсем тихо... – и если, хотя бы в мечтах, удаётся обмануть, вернее, перехитрить мороз... Ладно, остальное – по ходу дела. Сейчас все запишут свои адреса в тетрадке у Верочки, моей верной ученицы и помощницы, а мы

пока начинаем по очереди читать пьесу, чтобы понять, кто есть что! – и он улыбнулся, прыгнул в зал, устроился в третьем ряду посредине и дал рукой отмашку...

На третьей репетиции, когда Александр Михалыч сам показывал на сцене, как должна капризничать королева, дверь приоткрылась. Все обернулись на скрип. В проёме показалась голова в шапке, под которой трудно было рассмотреть лицо, но Венька сразу его узнал – это был тот, через которого опрокинулась Нинка.

– Войти! – скомандовал Белобородка. – Шапку долой! – тот скинул шапку. – Имя?!

– Юра...

– Юрий... – поправил Белобородка и ждал.

– Бердышев, – последовало незамедлительно.

– Входите. А вообще во время репетиции или сценического действия... – он поднял палец, – только с разрешения руководителя... Актёры нужны. Театру всегда нужны люди! Входите!

«Это один из тех, четверых!» – зашептал Венька на ухо Шурке. Тот уже знал обо всём с его слов. «Я выйду посмотрю вокруг», – прошептал Шурка и плавно исчез, воспользовавшись перерывом, и Венька вместо рукава, за который пытался удержать товарища, ухватил воздух. «Выследили, – думал он, и как-то противно засосало в животе. – Нарвался». Шурка вернулся через минуту и отрицательно покачал головой: «Никого! Надо раньше уйти!».

Раньше уйти не удалось. Новичку, как и Шурке, досталась бессловесная, но полная жизни и движения, по замыслу режиссёра, роль одного из месяцев. Венька Вороном сидел на суку, т. е. на двух табуретках, поставленных одна на другую, и при каждой реплике, в основном состоявшей из раскатистого «кар-кар», смотрел вниз, чтобы, в случае чего, прыгнуть поудачнее. Он внимательно слушал все поучения режиссёра и особенно гордился, когда Белобородка кричал ему: «Не так каркаешь! Творчески подходи к обстановке! Реагируй, реагируй! Проживай действие!».

Теперь дни, заполненные театром, пролетали незаметно – всё слилось в одну длинную репетицию. Тут же готовили нехитрый реквизит. Притащили настоящий мох из леса для полянки во время оттепели. Его наклеили на фанеру. В день спектакля решили подновить зелёной тушью, а огромный нос Ворона покрасили чёрной тушью. Королеве соорудили корону из цветной фольги – немало конфет пришлось раздобыть девчонкам и съесть, чтобы освободить фантики. Каждый предлагал какую-нибудь хитрость на пользу дела, а Белобородка похваливал, приходил раньше всех и уходил последним. Конечно, любопытные ребята пытались выяснить, кто он, откуда взялся, и правду ли говорят, что до войны в Москве ставил спектакли. Но кто говорил одно, кто другое. Приезжал он на электричке, и единственное, что знали точно: что живёт один и приехал к ним из Сибири.

Ремесленник Юрка приходил в обычном пальто, такие но-

сили все ребята. Ни разу за ним не притащились его дружки. Он оказался белобрысым, subtilным, молчаливым мальчишкой, ловко пилил фанеру по начерченному контуру, приклеивал, прибивал, возился с большими фонарями, помогая монтеру-осветителю. Венька заметил, что он старался на него не смотреть. Роль у него была бессловесная, но Белобородка сказал, что «тем труднее её воплотить – тут за текст не спрячешься, а вот отыгрывать всё, что происходит на сцене, надо! Ведь чудо происходит: среди зимы наступает весна, цветы цветут!». Но всё же обещал ближе к премьере каждому бессловесному дать хотя бы по реплике: «Возьму грех на душу! Самуил Яковлевич меня простит!».

Он так это произнёс, что каждому стало ясно личное знакомство с самим Маршаком!

Вообще, многое казалось Веньке необыкновенным, и вчерашнее так стремительно уходило назад, что он сомневался, а было ли всё это?! Эсфирь, которую не видел почти два месяца, драка, переезд... непонятно, как подвернулся этот кружок, – подумаешь, объявление, клочок бумаги на столбе. Шли бы они позже – и сорвал бы ветер, или лампочка бы лопнула от снега и мороза... Все эти новые слова, новые товарищи, новая тяга сюда. Чему Венька удивился больше всего – что он болеет за спектакль! Не за себя, а за спектакль. Ну и что, что у него маленькая роль, у Шурки вообще ни слова, а он тоже старается, и видно, как переживает. Поговорки Белобородки он запоминал навсегда – они ему очень

правились: «Успех дело общее, а слава – наживное!». Сначала Венька не понял, что значит его наставление: «Высоко сидишь! Не только потому, что на сук высоко-высоко забрался, а потому, что характер такой: всё видишь, всех поучаешь... Так каркай, чтобы всем ясно было, что имеешь на это право!». Он не жалел ни слов, ни движений, чтобы показать, сам каркнул вполне убедительно и тут же объяснил всем, кто играет месяцев: «Месяц – это знаешь сколько? Представь, что ты в Ленинграде в блокаде, посадил весной огород, и до урожая надо ждать месяц на осьмушке черняшки... Представил? Вот какая ты значительная фигура на сцене!».

«Ваше величество! – обратился он к Люське, – тут дело не в красоте! Это вам повезло, что вы – естественно очаровательная девица, но вам по жизни соблазнять никого не надо, чтобы чего добиться. Вы же королева! Капризничать – и всё! „Казнить нельзя помиловать!“ . Безобразие, вас писать заставляют, при чём тут люди?! Одним больше казнят, одним меньше – какая мелочь! Главная справедливость – ваша левая ножка и нижняя губка! Всем понятно? – он громко хлопал в ладоши, свешивал ладонь со спинки впереди стоящего стула и приглашал: – Пожалуйста! С того же места! Верочка, подскажите!..».

Глава IX. Новый год

Вот что странно было Веньке. Он теперь о том, что произошло с ним раньше, думал как о ком-то другом. Об эвакуации, о жизни в доме тётки, об Эсфири, о Лизке... То есть вроде бы о себе, но со стороны. Первое время после его перехода в другую школу Эсфирь снилась ему. Он даже расспросил маму про царицу Эсфирь, о которой что-то слышал, да не знал, в чём дело. Мама сначала не хотела говорить, странно мялась, а потом рассказала ему про еврейский праздник Пурим и про то, как самая обычная еврейка Эсфирь спасла весь еврейский народ от уничтожения страшным царём Ахашверошем. Венька сидел, замерев от этого рассказа, и только поинтересовался, а откуда это мама знает. Получилось, что ничего особенного в этом нет, что раньше все дети в местечке знали это, потому что все в честь этого избавления справляли весёлый весенний праздник Пурим, а теперь... дальше мама замяла разговор, а Венька ту древнюю великую Эсфирь только и представлял теперь, как «свою»! Она так и снилась ему в его любимом зелёном платье и с косынкой на рыжеволосой голове...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.